

Большая часть Гриффиндорского стола уже вовлеклась в трапезу, но Рон, словно замороженный, не отрывал взгляда от зала. Его глаза блуждали по столам Слизерина и Когтеврана, будто ища в них разгадку какой-то тайны. Когда же он снова устремил свой взгляд на своих соратников, его брови взметнулись вверх в недоумении. Лица гриффиндорцев были обращены к нему, их глаза выражали неподдельное удивление. — Что? — недоуменно спросил Рон, наконец-то решившись приступить к еде. — Что может быть важнее, чем набить живот до отвала? — усмехнулся Фред, с нескрываемым забавлением наблюдая за братом. Рон с недоверием прищурился, окидывая взглядом лицо каждого гриффиндорца, сидевшего рядом с ним. Его голос прозвучал мрачно, с нескрываемым предвкушением: — Мы должны как следует изучить делегации, не так ли? Если мы хотим стать чемпионами, нам нужно знать врага, верно? — О, заткнись, Икл Ронникинс, — отрезал Джордж. — "Знать врага", что это за чушь? — поддержал брата Фред. — Вы не понимаете! — возмутился Рон. — Ты должен знать сильные и слабые стороны, это как в шахматах! Крум точно станет чемпионом Дурмстранга, но нам нужно знать больше о Боксбатоне! Подожди, пока они снимут свои кровавые шарфы, тогда и узнаем. Гарри решил отстраниться от этого бурного обсуждения. Он спокойно кормил Хедвиг, время от времени взъерошивая ей перья. Так они оба были сыты: Хедвиг давно не ела, а Гарри в этом не винил ее. Вскоре Гарри заметил, что громкие голоса окружающих его людей постепенно утихли. — Вы еще хотите буйабес? — спросил красивый мягкий голос с легким французским акцентом. Гарри поднял голову и увидел девушку, которая только что заговорила. У нее были серебристо-светлые волосы длиной до пояса, большие глубокие голубые глаза и высокие скулы. Ее кожа была слегка загорелой, как и у него самого, а идеальные зубы сверкали, как свежий снег. По сравнению с ней веелы с чемпионата мира казались простыми женщинами. Как только взгляд Гарри устремился на нее, он почувствовал легкое притяжение своей магии. Это ощущение было очень похоже на то, что произошло на Кубке мира по квиддичу, а значит, эта девушка действительно была веелой (хотя то, что он почувствовал сейчас, было немного сильнее, чем на Кубке мира). По правде говоря, Гарри был более чем удивлен тем, что на него по-прежнему не действуют никакие чары, хотя он и не показывает этого. — Нет, это все твоё, — ответил Гарри беззаботным тоном. — Он осторожно поднял чашу и протянул ей. — Мерси, — сказала девушка, ее голос слегка дрогнул. — Это был еще один явный признак того, что она веела, — то, что она была так явно удивлена, когда Гарри вел себя нормально. По правде говоря, Гарри и сам был удивлен, что не наделал глупостей, хотя и не мог по-настоящему ощутить ее притягательность. Она, без сомнения, была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел (и определенно увидит) в своей жизни. Значит, это будут Крум и девушка из Вилы, надо будет сказать Салазару. Единственный чемпион, в котором Гарри еще не был уверен, — это чемпион Хогвартса. Салазар отметил, что, скорее всего, им станет шестой курс, так как у седьмых курсов есть обязательные ЖАБА, о которых нужно беспокоиться, а шестые курсы будут наиболее подготовленными из оставшихся студентов. Гарри был готов поставить на Анджелину, Седрика Диггори или Роджера Дэвиса. Особенно он надеялся, что это будет кто-то из первых двух: Роджер Дэвис был одним из тех студентов, которые плохо обращались с ним во время разборок в Тайной комнате. Гарри вынырнул из своих размышлений, услышав голос Рона. — Она веела! — прошептал Рон, рассеянно вытирая слюну с подбородка. — Черт возьми, она прекрасна, — пробормотал Дин. Остальные мужчины за столом кивнули головами в знак согласия. Даже Невилл, казалось, согласился с этим утверждением, хотя Гарри не мог его в этом винить. — Кто бы ни был чемпионом Хогвартса, это счастливый ублюдок, они могли бы немного поболтать с ней, — пробормотал Симус. Рон и остальные с энтузиазмом кивнули. Они все еще наблюдали за девушкой, пока она шла к своему столику. Гарри отметил, что она выглядела довольно раздраженной таким вниманием, но Гарри не мог ее винить. — Я уверена, что она самая ангельская на свете, — сердито сказала Гермиона. — Но скажи мне, ты когда-нибудь с ней разговаривал? — Гарри говорил! — сразу же заметил Рон. — Мы не скоро получим шанс. — Гарри передал ей миску с едой! — Но он все равно с ней разговаривал, не так ли? Казалось, что

Гермиона изо всех сил старается не уколоть Рона ножом, который она держала в руке. — Это мне напоминает, — прошептала Анжелина, так, чтобы ее слышали только Алисия, Кэти и Гарри, — почему вы не были такими странными, когда она с вами разговаривала? У этих идиотов слюнки потекли, когда они ее увидели. — А ты, случайно, не за другую команду играешь? — тихо спросила Кэти. Гарри на мгновение замолчал, пытаясь понять, что она имеет в виду. Когда до него дошло, его глаза резко расширились. — Что... Нет! Нет, я не хочу, Кэти! — зашипел Гарри, его лицо покраснело от смущения. — Ладно, ладно, просто нужно было убедиться. — Кэти утешила его, хихикнув при этом. — Тогда это странно, не так ли? — спросила Алисия у остальных троих. — Возможно ли быть невосприимчивым к Вееле, или что-то в этом роде? — Возможно, — ответила Анжелина. — Я имею в виду, что люди не так уж много знают о Вееле, не так ли? Она выглядит даже лучше, чем те, что были на Кубке, может быть, это как-то связано с этим... Гарри продолжал есть, время от времени прислушиваясь к разговору остальных гриффиндорцев четвертого курса. Рон, Дин и Шеймус еще не перестали говорить о Вееле, но уже прикидывали, как им удастся соблазнить бедную девушку. Большинство их планов сводилось к тому, что их выберут чемпионом Хогвартса, и у Гарри не было сил лопнуть их нереальный пузырь. Остальные девушки отреагировали на это не так спокойно, как трое преследователей. В частности, Гермионе, похоже, не нравилось, что ее однокурсники были так увлечены девушкой из Веелы. Гарри сузил глаза, услышав аргументы Гермионы, которые, казалось, вращались вокруг идеи о том, что девушка может быть веелой. — Ну и что с того, что она веела? — горячо спросил Гарри. — Почему это вообще имеет значение? — Дело не в том, что она веела, а в том, что из этого следует. — Гермиона возразила. — Если она веела, значит, у нее есть "притяжение", которое магически заставляет людей испытывать к ней влечение! — Варварство! — воскликнула Гермиона, её голос, обычно мелодичный, теперь звучал как раскаты грома. — Гермиона, — мягко сказал Дин, пытаясь переключить её внимание с нелепого высказывания юного собеседника, — внешность — это не "аллюр", как ты выразилась, и не то, что заставляет людей восхищаться. Гарри, почувствовав, что Гермиона вот-вот развернёт целую тираду, решил отступить. Он знал: когда она разгорячится, то её речь будет подобна урагану, сметающему всё на своём пути.